

Стучка Петр Иванович

**Курс советского
гражданского права**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Иванович С.**
Курс советского гражданского права: Том 3 / Стучка Петр Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 208 с.

ISBN 978-5-519-75697-6

Учебное пособие для вузов и комвузов П. И. Стучка

ISBN 978-5-519-75697-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

«Канва правовой жизни». Если обозреть с возвышенного места всю совокупность правоотношений буржуазного гражданского права, то мы увидим нечто вроде громаднейшей сети из миллионов отдельных нитей, т. е. отдельных сделок, договоров и т. п. актов, нечто вроде сложнейшей системы паутин, за которыми лишь с трудом мы замечаем припрятанных в нормах вещного права, точнее, права частной собственности (в общем смысле слова), отдельных пауков — капиталистов или сверхпауков — представителей финансового капитала. Французский автор¹, как мы еще увидим, выражается более осторожно, когда он называет статьи гражданского кодекса «канвою (основой) *правовой жизни*» (la trame de la vie juridique), на которой — прибавим мы — ткач-капиталист выводит «невинные узоры» капиталистической эксплуатации. Но картина остается по существу тою же.

Отношения снабжения. С переходом к социализму мы после Октября разорвали нити *этой* паутины и поставили себе задачей найти иные, не договорные формы *отношений снабжения*. Вслед за тем мы были вынуждены с переходом к нему вновь допустить гражданско-правовые отношения. Мы создали «новую канву (основу) правовой жизни», с первого взгляда весьма похожую, а отчасти совпадающую с дореволюционными, капиталистическими формами, но у нас было уже *нечто новое* — диктатура пролетариата, в корне *изменяющая всю сущность* и этих отношений. Я не буду здесь касаться ни трудовых отношений рабочих, ни земельных отношений крестьян, о них мы уже говорили в первой и второй частях работы. Здесь перед нами *материальное* содержание гражданского права, *конкретные отношения производства и конкретные отношения обмена*. Но вместо прежнего центра всей сети договорных отношений, каким был раньше ГК, у нас теперь — пока — имеются два противоположных полюса: на одном находится *организованный центр* социалистической диктатуры пролетариата, советская власть, которая на основе государственной социалистической собственности управляет громадным социалистическим сектором отношений; на другом — *неорганизованный* сектор частного ка-

¹ A. Colin et H. Capitant, Cours élémentaire de droit civil français.

питала или организованный *подпольно*, причем идейное руководство находится вне пределов СССР. Это сектор, быстро уменьшающийся, но все же пока, особенно до уничтожения сельского кулака как класса, получивший прирост новых элементов из среды *крестьянства*, громадного среднего слоя, местами еще мало вовлеченного в товарный оборот и отчасти еще колеблющегося между прежним влиянием класса капиталистов и новым, в последнее время бурно возрастающим влиянием пролетариата и его власти.

Два сектора. Между этими секторами, вернее между представляющими эти секторы классами, происходит борьба: *кто кого*¹. От хода этой борьбы конечно зависят и пределы допущения гражданского оборота, но к отдельным этапам борьбы необходим очень гибкий диалектический подход, чтобы не забегать слишком вперед. «Мы отбросим нэп к черту, когда *уже не будем нуждаться* в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма» (Сталин)². Только удивительное невежество в основных вопросах революционно-марксистского понимания права как необходимой части диалектического материализма создает иллюзии о необходимости преждевременного уничтожения права вообще и гражданского права в частности³.

Догматическое изложение. Наш кодекс и наши комментарии к ГК (в том числе и учебники) ограничиваются *догматическим* изложением отдельных обычных институтов гражданского права. Для буржуазии это право *вечное*, по крайней мере *вековое*. Оно и бессистемно; например, в нашем ГК договоры изложены в следующей очередности: договор найма, купли-продажи, мены, займа и т. д. Почему в таком порядке? Да не все ли равно? Так написано в кодексе. Но, не ограничиваясь этим, наши учебники почему-то *начинают* еще изложение с вознаграждения за вред (см. Гойхбарга, Магазинера), с института, по их мнению, как будто наиболее социалистического, а на деле, наоборот, пока наиболее буржуазного. Мне пришлось напомнить нашим практическим работникам, что не следует читать кодекс от конца к началу, ибо отдел об убытках приме-

¹ Ныне эта борьба бесспорно решена в пользу соц. сектора.

² «Правда» 11 февраля 1930.

³ В свое время покойный проф. Рейснер в одной из своих рецензий иронизировал над мной «верою» в *систему* правовых отношений; теперь такой спор показался бы диким.

плется *лишь* тогда, когда установлено, что *отношения не основаны на договоре* или просто на фактическом обмене эквивалентов.

Что касается метода изложения, то я считаю неприемлемым практикующийся чисто догматический метод. Учебник, изложенный таким методом, обязывает к простой зубрежке статей закона или их содержания, а я предлагаю *осмысленное изучение* гражданского права, без которого обойтись особенно трудно ныне и которое возможно только при *диалектическом и критически систематическом* изложении. Как составитель учебника, я не могу менять текста кодекса, но я не лишен права перегруппировки вопросов, составляющих предмет изучения, и теоретически-критического *подхода к изложенным в кодексе нормам*.

Мне приходится впервые излагать так называемую особенную часть гражданского права. Я предполагаю построить ее изложение сейчас по тому же методу, по какому я написал и вторую часть своей работы. Но я, конечно, предпочел бы применять новый способ изложения, а может быть и написания кодекса. Большая часть того, что ныне излагается в статьях закона, должно было бы относиться к самым простым отношениям практики, известным и понятным любому толковому рабочему. Это простая техника. Но эти простые навыки надо так связать с наукою, чтобы эти «простейшие процессы осмысливались». Любой рабочий знает, что означает право частной собственности, что означает договор вообще (соглашение двух сторон), что означает купля и продажа и т. д. Чем меньше он будет знать об этих отношениях из закона, копаясь в законе, тем лучше для него и для дела. Но наша задача — теоретически, по-марксистски *осмыслить* эти отношения, а для этого надо выяснить, в чем выражается в этих договорах их эквивалентность, до каких пределов допустима власть собственника над его собственностью и т. д.

Я уже неоднократно указывал на то, что гражданский кодекс буржуазии чрезвычайно широко охватил все экономические отношения как вытекающие из всеобщей товаризации не только чисто вещных объектов, но и вообще всего, исключая лишь абстрактную волю человека¹; но я показал одновременно, как одно за другим эти отношения уходят из нашего ГК (как то: Земельный кодекс, Кодекс законов о труде и т. д.).

Мысль о выделении в особую правовую группу *отношений государственного сектора* сравнительно нова. Когда эта мысль

¹ См. мои заметки в обзоре литературы по гражданскому праву в «Рев. права», 1929, № 3, с. 109.

появилась в *буржуазном* обществе в период монополистического капитализма, она получила выражение в построении сложных новых отделов и институтов того же *гражданского права*, иногда с известным насилием, нарочито *приспособленных* к формам того же римского права. Под эти нормы так называемого военного капитализма подлаживались и наши юристы, имевшие известную монополию на обслуживание важнейших хозяйственных органов (ВСНХ, НКТорг и т. д.). Это была солидная организация так называемой советской «юрисконсультуры»¹. «Революция права» тогда была еще занята научным вскрыванием корней и нитей права вообще и гражданского права в частности, благодаря чему только и стали возможными новые построения правовых форм для социалистического сектора.

Мысль о существовании *двух правовых секторов* и их взаимоотношениях была однако отмечена еще в вводных словах постановления ВЦИКа от 22 мая 1922 г., одобренных Лениным. Там говорилось: «в целях установления точных *взаимоотношений госорганов* (с одной стороны) с объединениями (т. е. с юридическими) и частными *лицами*, которые принимают участие в развитии производительных сил (с другой стороны), *а также взаимоотношений* частных лиц и их объединений *между собою*»... Однако новые мысли неизменно проникали к нам в жизнь в старом правовом облачении. Так, наши новые *формы* госпредприятий (тресты, синдикаты, госторги и т. д.) работали, по словам действующих о них «положений» или уставов, якобы «в целях *прибыли*» тогда, когда они *еще не давали прибыли*². А слова о *прибыли* были вычеркнуты из «положений», когда они действительно уже стали давать прибыль, но в то же время стали вести *социалистически планомерную борьбу за снижение цен* и т. д. Как, в самом деле, могли возникнуть новые мысли о целях советского права, пока мы еще не вскрыли *цели* всякого хозяйственного или гражданского права вообще³ как *правовой формы снабжения*. Только тогда, когда все прибывающие волны новых законов, декретов, положений, распоряжений, уставов и т. д. и т. п. угрожали нас потопить, нам пришлось задуматься о спасении хотя бы нашего рабочего суда от этих волн частью чисто технических правил и предписаний, частью правил внутреннего регулирования. Так вероятно возникла и мысль о необходимости выделить куда-нибудь отношения между госорга-

¹ Слово, нарочно изобретенное для этой организации.

² Я пользуюсь этим по существу неверным словом, так как оно существует у нас в законе и в делопроизводстве наших госорганов.

³ См. мой «Курс», ч. 1, с. 141 и сл., ч. 2, с. 125 и сл.

нами, регулирующими и регулируемыми, а затем и о создании нового кодекса для социалистического сектора под предложенным мною названием «хозяйственно-административного».

Хозяйственно-административное право. По вопросу об административном праве вообще у нас существует много неясностей как по части его объема и характера, так и его значения. Как известно, мы относились к административному праву в известной мере отрицательно, отвергая вообще его необходимость при советской власти. И это в то время, когда прогрессивные юристы капиталистического мира в административных судах, т. е. в распространении *правового* воздействия суда на административную, управленческую деятельность государства (в смысле контроля ее «законности»), видели последнее слово юридической науки.

В настоящее время мы меняем свой взгляд и меняем его довольно резко, но только не в направлении буржуазной науки. С одной стороны, Ленин, особенно в последние годы своей жизни, все чаще и чаще говорил о *государственном управлении* (вместо исполнительной власти), и все чаще и чаще мы в своих законах встречаем вместо слова «отдел» слово «управление». С другой стороны, роль так называемой исполнительной деятельности госорганов все больше превращается в *хозяйственное управление* государственной власти. Но это вовсе не означает, что мы были неправы в оценке *непригодности для нас буржуазного административного права*. Здесь проявляется в яркой форме прямая *противоположность* тенденции развития буржуазной и советской государственной власти. Буржуазная теория стремилась удалить право от хозяйства, у нас же все больше и больше вскрывается и подтверждается *связь хозяйства и права*. Правовая форма (договор, суд) в буржуазном мире продолжает подчинять себе и деятельность государственной власти (правовое государство), и это подчинение доводится до высшего предела, т. е. абсурда, когда это правовое государство передается в руки фашистской диктатуры, т. е. «организованному произволу» эксплуататорских классов. При пролетарской диктатуре, наоборот, старая буржуазная правовая форма уходит, и на место нее вступает *организованная целесообразность* в более совершенной форме, в форме директивных или нормировочных законов и правил законодательных или им равнозначных правительственных распоряжений. Наступает время, когда из этого административного права вообще должно выделиться особое *хозяйственно-административное право*. Я еще в первой части своей работы (1927 г.) писал: «Наше административное право, хотя под этим названием нам пока мало известное, сыграет большую роль...» и т. д. На

съезде работников юстиции в феврале 1929 г. мы уже читаем в резолюции по моему докладу о выделении особого хозяйственно-административного права, а с осени 1929 г. это право, как особый предмет уже читается в I МГУ.

Содержание. В чем должно заключаться *содержание* этого хозяйственно-административного права? Не устанавливаем ли мы здесь, но только иными словами, то же деление, какое существовало между так наз. частным и публичным хозяйственным правом? Да и нет. Разница, в начале чисто количественная, превращается в качественную и не только по содержанию, но и по юридической форме. Эту разницу в форме юристы выражали словами: *императивные* (приказы) и *диспозитивные* (разрешительные) нормы. Если мы присмотримся к содержанию так наз. публично-хозяйственного права буржуазии, то та же его *область* в общих чертах относится действительно и к нашей новой отрасли права. Но стоило ли в таком случае производить простое переименование? Нет, *не стоило*, если бы это было все. Но если форму права определяет его *содержание*, то к этому содержанию надо присмотреться ближе. У нас эта область права прежде всего гораздо *шире*, чем буржуазное публично-хозяйственное право. Но — и это главное — она имеет совершенно иной, *принципиально* иной, *полярно-противоположный* характер, она содержит правовое регулирование имущественных, точнее хозяйственных отношений социалистического сектора, тогда как частно-хозяйственное или гражданское (частное то же) право регулирует имущественные отношения главным образом сектора частных собственников и отчасти междусекторные отношения. Для всякого, кто не страдает «правоуклонистской» верой в мирное, т. е. *правовое*, вращение кулака и капиталиста в социализм, или, конкретно, в социалистический сектор, из этого одного уже вытекает и указанное принципиальное различие. Но естественно, что и *форма*, даже правовая, для регулирования отношений социалистического сектора имеет совсем иной вид или, по крайней мере, иной характер. Различие это вытекает из *планового* (нормировочного) характера *первого* и *анархического* характера свободы конкуренции *второго*. Между секторами происходила борьба («соревнование»), в которой один сектор стремился уничтожить другой. Только *в этой плоскости* понятна та *классовая борьба*, которая у нас велась за возможно *широкое* действие чисто *договорных* начал буржуазного права между отделами или ячейками даже *единого* социалистического сектора. Что же касается тех юристов, которые настаивают на *едином* кодексе для обоих видов права, то они скрывали либо стремление к быстрейшей, хотя и *преждевременной* ликвидации нэпа, либо

выявляли *примиренческое* отношение к элементам, рассчитывающим на расширение нэпа.

Взаимоотношения. Какова внешняя характеристика этого нового права, а вместе с тем и «кодекса»? Во-первых, отношения, им регулируемые, не имеют или почти *не имеют прямого отношения* к общей подсудности, ибо эти отношения, по общему правилу, до споров о праве гражданском не доходят. Во-вторых, оно хотя по существу и «регулирует», но зачастую это регулирование осуществляется еще в гражданско-правовой форме (кроме обычных договоров, генеральные договоры, договоры контрактиции и др.). Деление на гражданское и хозяйственно-административное право — это деление вообще довольно *текуче*, ибо от гражданского права постепенно отделяются все новые, более или менее крупные осколки и переходят в новую область. Это осложняет конечно и судебную работу, ибо в этих условиях зачастую и самый вопрос о *подсудности* довольно трудно разрешается, когда договор (например генеральный) становится законом, когда он заменяется «законным» уставом и т. д. В-третьих, эти правила планового характера не могут не отражаться и на «частно-правовом» секторе. Междусекторные отношения, оформляемые по общему правилу в гражданско-правовом порядке (договор, вексель, чек, обязательство из закона или распоряжения госоргана, обязательство из устава банка или кооператива и т. д.), явно носят на себе характер социалистического государственного воздействия (например производственная или плановая часть договоров, контрактиция, договоры о государственном кредите и т. д.). Основное регулирование внутренних отношений наших госпредприятий происходит на основе положений — уставов — этих предприятий, но поскольку эти уставы, хотя вначале и «договорные» уставы, получают веледствие утверждения их правительством *силу закона* и регулируют не только взаимоотношения между членами данной организации, но и взаимоотношения с кооперативными объединениями, постольку образуется объединяющее звено между госорганами и кооперативами *в едином хозяйственно-административном кодексе или, шире, праве*. Но в этом кодексе или праве бесчисленные уставы и договоры превратятся в нормальные, *стандартные* уставы и положения, из которых уже можно будет выделить *краткие статьи*, имеющие отношение *ко всем* хозяйствующим организациям обобществленного сектора или, по крайней мере, к их массе, и тогда *все остальное*, касающееся только специальных органов или *относящееся* к простой технике, может быть помещено в приложения к кодексу, в наказы и просто учебники. Конечно, для этого потребуется *новое поколение законодателей-рационализаторов*.

Развитие к социализму. Наконец я не могу воздержаться и от краткой обрисовки перспектив этого развития. Как известно, распределение уже приняло у нас вид не простого обмена, но целого «оборота покрытия потребностей». Этот оборот поддается еще гражданско-правовому регулированию. Но в условиях советского хозяйства товар-продукт в порядке генерального или контрактационного договора поступает непосредственно от производителя (фабрики или сельского хозяйства) в кооператив и там, так сказать, механически, даже без наличных денег (через чеки, жиро-операции и т. п.), поступает к покупателю: в распределительный пункт или даже на дом (хлеб, молоко и т. д.), в столовую или к производителю (плуг, коса, трактор, молотилка). Не перевернулись ли тут вся жизнь и весь быт и не вспоминаются ли тут слова Ленина: «Социализм уже теперь не есть вопрос *отдаленного* будущего или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы».

Противоположные тенденции. Но мы должны отметить здесь же еще и другую тенденцию, о которой я уже упоминал. Целое течение «юридической мысли» оформило у нас еще в 1923 г. свою программу в проекте особого *торгового права*. Потом оно получило даже название «торгово-промышленного права». Это течение выражает собою тенденцию, прямо противоположную тенденции к хозяйственно-административному праву. Я характеризовал ее как тенденцию подчинить социалистический сектор (отношения) общим нормам Гражданского кодекса или, вернее, ярко буржуазным нормам торгового права. У нас в Москве такой предмет обучения существовал до начала 1929/30 учебного года. Ныне эта тенденция, по крайней мере в центре, уже сломлена.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩНОГО ПРАВА

Сущность. В нашем ГК изложение особенной части начинается без всякого предисловия с вещного права. В чем заключается сущность, так называемого *вещного права* вообще? Верный ответ на этот вопрос возможен лишь исходя из того положения, что основой *абстрактного* «вещного права» является *конкретное* право собственности, как основной вид всякого права собственности и как основа всякого права вообще, т. е. как *средство* господства над людьми посредством власти над вещами или вещью. Путем абстракций, отвлечений от конкретных прав юристы пришли к абстрактным, *общим* формулам, из которых они выводили еще более общие абстракции, как например *абсолютные* права, противопоставляя их прочим, *относительным* правам. «Права абсолютные — это те, в которых праву активного субъекта соответствует *обязанность всех его сограждан* и которые потому охраняются против каждого, забывшего лежащую на нем обязанность». Так их определяет например Шершеневич¹, и вслед за этим он поясняет: «Сюда относятся: а) *вещные* права (собственность, права на чужую вещь); б) *исключительные* права (авторское, художественное, музыкальное, фирменное, привилегии на промышленные изобретения и некоторые иные); в) права личной власти (*мужа, родителей, опекунов*)». Значит, абсолютное право это примерно — право на свою лошадь, на свое литературное произведение и на свою жену. Другой (французский) учебник еще шире определяет абсолютные права: это — права вещные (среди них наиболее знаменательно право собственности), права семейные, права политические, права публичные (?), или связанные с личностью, такие, как «право работать» (не право на труд, а *de travailler*, т. е. быть и штрейкбрехером), торговать (шире: участвовать в обороте, *de faire le commerce*), писать и говорить (только — не лишнее) и т. д. Эти «права

¹ Шершеневич, Учебник русского гражданского права, СПб 1912, с. 68.

абсолютные могут противопоставляться (*opposables*) всем»¹, за исключением конечно полиции. Возьмем еще третьего автора — немца². Он менее категоричен: «Различают права *абсолютные*, *принципиально* действующие против всякого... Противоположность однако — как уже указывает слово *принципиально* (допуская исключения) — не резкая и т. д.». По его словам, абсолютные права делятся на: а) абсолютные права по отношению к лицам, как например отцовская власть; б) на вещи, они носят тогда название вещных прав, например собственность; в) права человека на свою фамилию (!?) и г) на совокупность вещей или имущества, например право на наследование (?). Мы абсолютов не признаем и в области права. И если мы говорим о вещных правах, то и они для частных лиц во всяком случае ограничены узкими вехами или межами советского права.

Для нас понятие вещного права теснейшим образом связано с понятием монопольного права *частной собственности* на средства производства, как средства эксплуатации людей. Все остальные вещные права либо вытекают из этого права, либо возникали просто в порядке общей юридикации. Оно наиболее характерно для *феодалного права*, которое имеет принципиально вещный характер, ибо самая феодальная власть основана на *монополии земельной собственности*, почему Маркс и называет капиталистическое право собственности «феодалным правом, подчиненным условиям капиталистического производства».

«Да здравствует обязательственное право!» «Абсолютному» вещному праву буржуазия противопоставляет свое «относительное» обязательственное право. Но ее понятие относительности здесь не имеет в виду *ограничения* состава права собственности. Напротив, революционный французский кодекс называет свое право собственности *самым абсолютным* (*le plus absolu*) правом в смысле самого *полного* по объему (*le plus complet*). Но суть в том, что обязательственное право обязывает *только* определенное лицо или определенных лиц. Но одновременно оно *обязывает* этих обязанных лиц к *определенным действиям*. «Относительными правами называются права, которые существуют в пользу (*au profit*) одного лица только против одного или нескольких других лиц. Это — права кредита (*de créance*), или, по нашему названию, права обязательственные». «Носитель кредитного права, или кредитор, имеет право заставить (*astreindre*) выполнять в свою пользу то или иное предоставление (*prestation*),

¹ Colin et Capitant, op. cit., v. III, p. 101.

² Козак, Lehrbuch des deutschen bürgerlichen Rechts, v. II, I/c. 53/54.